

18+

Марин Польш

Травитация сердца

Немые струны души

Марин Поль

**Гравитация сердца.
Немые струны души**

«Издательские решения»

Поль М.

Гравитация сердца. Немые струны души / М. Поль —
«Издательские решения»,

Одна минута способна расколоть мир вдребезги. Поддавшись неуместной жалости, Лида отпускает человека, едва не погубившего её дочь Варю. Эта роковая ошибка запускает цепь событий, которая раскидает семью от Москвы до ледяных буранов Караганды и глухой пермской тайги. Роман «Гравитация сердца», основанный на реальных событиях, — это пронзительная сага о цене ложного благородства, разрушительной лжи и непреодолимой силе любви, способной вернуть близких на правильную орбиту.

© Поль М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Минута, расколовшая мир	8
Глава 2. Ледяная стена одиночества	11
Глава 3 Чужая крепость	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Гравитация сердца Немые струны души

Марин Польш

© Марин Польш, 2026

ISBN 978-5-0071-4133-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман

Иллюстрация из лич.архива автора книги.

Предисловие:

Гравитация сердца, гравитация тел,
Мы в объятиях друг друга стоим на пороге.

Тот безумный сюрприз, что судьбой нам летел,
Вновь скрестил наши разные в жизни дороги.
Гравитация сердца — её не прочесть,
Но во мне до сих пор твоё притяжение.
Сквозь былую неправду,
паденья и жесть

Мы прошли сквозь года и своё сопротивление. М.П.

В природе существует закон, который удерживает планеты на орбитах и не позволяет все-
ленной рассыпаться на миллиарды осколков. Это сила, которой невозможно сопротивляться.
Она слепа, нема и неизбежна.

Но когда дело касается людей, происходит то же самое. Существует гравитация сердца.
Это та самая необъяснимая

сила притяжения, от которой внезапно начинает физически трясти изнутри. Когда в
твоей жизни появляется человек-планета, твоя привычная реальность с грохотом рушится, и
сердце сжимается одновременно и от дикого страха, и от всепоглощающей любви.

Глава 1. Минута, расколовшая мир

Воздух в комнате казался густым и липким от страха. Лидия, женщина средних лет с аккуратно уложенными

русскими волосами, тяжело дышала. Перед ней, опустив глаза в пол, стоял Николай — человек, с которым она делила быт последние полгода. Человек, которому она верила.

Секунду назад её девятилетняя дочь Варя стояла у порога, опешившая и бледная как мел. Лида зашла в квартиру на минуту раньше, чем обещала. Этой минуты хватило, чтобы мир раскололся вдребезги.

— Ну как ты можешь? —

голос Лидии сорвался на глухой, клокочущий хрип. — Как ты можешь смотреть мне в глаза? Смотри на меня!

Она рванулась вперед, пальцы намертво вцепились в плотную ткань его советской рубахи на груди. Лида со всей силы тряхнула рослого мужчину. Тот даже не сопротивлялся, лишь сильнее вжал голову в плечи, упрямо разглядывая потертый линолеум.

— Ну как ты мог?! Ведь она совсем ещё дитя... Как ты мог вообще к ней подойти

настолько близко? — слезы душили, но Лида не позволяла себе заплакать. Внутри неё горел яростный, первобытный инстинкт матери, защищающей своего детеныша. — Если бы я не вошла... Если бы вошла минутой позже, всё случилось бы! И как... как мне теперь быть?!

Николай молчал. Это трусливое молчание привело Лиду в чувство лучше ледяной воды. Времени на истерику не было.

Она резко оттолкнула его, развернулась к застывшей у двери дочери, крепко схватила девочку за руку и буквально вытолкнула её в коридор. Лида действовала на автомате: рванула с вешалки пальто, вышвырнула Николая вон из квартиры, захлопнула дверь и заперла её на все замки. Руки тряслись, ключ никак не попадал в скважину, но страх за ребенка придавал сил.

— Бежим, — скомандовала

Лида дочери, увлекая её за собой вниз по ступеням подъезда.

На улице стоял глухой evening 1975 года. Осенний сырой ветер сразу ударил в лицо. Прохожих почти не было, редкие желтые фары «Жигулей» разрезали сумерки. Лида знала, куда бежать. На углу улицы, у гастронома, светился стеклянный куб телефонной будки.

Они добежали до неё запыхавшись. Лида рванула на себя тяжелую дверь

будки, пахнущую табачным дымом и сыростью. Внутри на стене висел тяжелый карболитовый телефон-автомат. Пальцы Лиды судорожно нашарили в кармане заветную двухкопеечную монету. Монета с металлическим звоном провалилась в щель приемника.

Лида вставила палец в диск и с грохотом прокрутила цифры: 02.

В трубке раздались длинные, равнодушные

гудки, отдававшиеся в самом сердце. Металлическая монета уже провалилась внутрь аппарата. Гудок. Еще гудок. На том конце провода не соизволили ответить сразу. Она собиралась вызвать милицию и написать заявление, чего бы ей это ни стоило.

И тут тяжелая стеклянная дверь телефонной будки с тихим скрипом приоткрылась. Лида вздрогнула и резко обернулась, готовая

защищать дочь, но то, что она увидела, заставило её застыть на месте.

На улице припустил холодный, косой дождь. Николай стоял прямо перед будкой. Без пальто, в одной лишь измятой рубашке, ворот которой она сама только что рвала руками. Его русые волосы мгновенно намокли и облепили лоб. Но главное — он не нападал. Шатаясь, словно от сильного удара, мужчина медленно опустился перед ней на

колени, прямо в холодную осеннюю грязь.

— Лида... Лидочка, умоляю, не надо, — его голос, обычно уверенный и низкий, превратился в жалкий, прерывистый шелест. Он прошептал это с надеждой и диким страхом, ловя её взгляд и пытаясь поймать полу пальто. — Что там? Что они сказали? Ты заявила? Не делай этого... Пожалуйста.

Лида смотрела на него сверху вниз, и внутри неё бушевал ураган. Голова шла

кругом. Одной рукой она продолжала сжимать остывающую трубку, у другой руки жалась напуганная, промокшая дочь.

— Ну как же? Как же так, Николай? Встань. Встань, Николай. Не противно самому-то? — из груди Лиды вырвался глухой стон, полный искреннего, невыносимого непонимания. Голос её звучал тише, но в нём звенела сталь. — Ведь ты был совершенно другим человеком! Я тебя знала все эти полгода... Ты был

совершенной противоположностью! Заботливый, тихий, надежный... А в кого ты сейчас превратился? В какого-то монстра?! Слышать тебя не могу. Чтобы ноги твоей тут не было. Слышать меня? С этого самого дня. Никогда. Чтобы я тебя больше в жизни не видела. Собери свои шмотки, пока нас нет, и убирайся из города. Из нашей жизни. Исчезни, Коля. Тебя для нас больше нет.

Он судорожно поднялся, утирая мокрое лицо грязным рукавом измятой рубашки. Зубы его стучали то ли от холода, то ли от ужаса перед тюрьмой.

— Лидочка, милая, спасибо тебе... Я уеду, на край света уеду, ты меня больше никогда не увидишь, клянусь! Я уйду, Лида. Прямо сейчас уйду, на автовокзал пойду, — закивал он, пятясь назад в темноту двора, словно боялся, что она передумает и снова побежит к телефону. — Ты не

пожалеешь, Лида. Я клянусь тебе, я никогда к ней близко не подойду... Клянусь памятью матери! Если ты заявишь, мне конец. Я ведь уже сидел... Я отбывал срок в местах лишения свободы, ты же знаешь. Если сейчас... если этот шаг сделаешь, для меня этот срок будет пожизненным. Я не выйду оттуда, Лида! Умру в лагере! Пожалей, не губи...

В трубке автомата наконец-то раздался щелчок и сонный, недовольный голос

дежурного милиционера:

— Дежурный по городу слушает. Гражданка, алло?

Лида замерла. В этот момент время для неё словно остановилось. Она оказалась на страшном перепутье, не зная, как поступить. С одной стороны, промолчать и не среагировать она не могла — ведь дело касалось её собственной дочери, её кровиночки. Материнский долг требовал кричать в трубку, требовать

возмездия. Но с другой стороны... внутри неё заворочались страшные, смешанные чувства. Жалость — глупая, бабья, неуместная жалость к человеку, с которым она делила хлеб, — вдруг сдавила горло.

Она посмотрела на дочку, потом на ползающего в грязи Николая. Сердце разрывалось от противоречий. И Лида совершила ошибку. Перешагнув через собственную правоту,

заглушив голос разума, она медленно, с тяжелым стуком опустила трубку обратно на рычаг. Карболитовый автомат глухо звякнул, обрывая связь с милицией.

— Уходи, — выдохнула она, отворачиваясь. Ей было тошно смотреть на его трусливую, сутулую спину. — Просто убирайся.

Тогда, в сырых сумерках 1975 года, Лида еще не знала, что эта минутная слабость станет главным

проклятием её жизни. Пройдет много лет, утечет много воды, прежде чем она горько, до крика пожалеет о том, что пожалела его в тот вечер и не довела дело до конца. Но сейчас, поддавшись глупой жалости, она думала только об одном — защитить то, что осталось от её разрушенного дома. А главное — Лида сама была в глубочайшем, парализующем шоке. Все эти полгода она была абсолютно, безгранично счастлива с этим человеком.

Он казался ей идеальным, надежным, заботливым. И эта страшная правда никак не укладывалась в её голове.

Она обернулась. Рядом, под косыми струями дождя, застыла Варя. Лида крепче сжала холодную, подрагивающую ладошку девочки.

— Пойдем, Варенька. Пойдем, маленькая моя. Пойдем домой. Его там больше нет.

Варя ничего не ответила. Она шла рядом, словно

тряпичная кукла, послушно переставляя ноги по лужам и глядя прямо перед собой невидящим взором.

Глава 2. Ледяная стена одиночества

Пока Лида, едва передвигая отнявшиеся от шока ноги, вела дочь к дому, в их квартире уже горел свет. Соседка по лестничной клетке, тетя Анна, услышала истошные крики на улице. Выглянув в окно третьего этажа, она увидела финал

страшной драмы: как Лида трясла Николая за грудки, как тот ползал на коленях в грязи, и как испуганная Варя стояла рядом. Поняв, что стряслось что-то из ряда вон выходящее, Анна не выдержала. Зная, где Лида прячет запасной ключ от квартиры — под ковриком, — она сама отперла дверь и вошла в прихожую.

Варя зашла в квартиру первой. Лида на мгновение задержалась на лестничной площадке, держась за перила — силы окончательно

оставили её, перед глазами плыли темные круги. Ей нужно было секунд тридцать, чтобы просто вдохнуть этот холодный воздух и заставить себя переступить порог.

Варя, не замечая соседки, на автомате разулась. На её лице не было ни слезинки, огромные глаза смотрели в одну точку на противоположной стене — пустые, опешившие. Она молча прошла в большую комнату, даже не сняв

мокрого школьного платяца. Прошла в самый дальний, темный угол за сервантом, опустилась прямо на ковер, подтянула колени к подбородку и замерла.

Тетя Анна, накинув на плечи пуховый платок, тихо прошла следом за девочкой в комнату. Сердце старой соседки сжалось от нехорошего предчувствия.

— Варенька... — негромко позвала Анна, присаживаясь рядом с ней на корточки. — Варюша, деточка, что

случилось? Что этот ирод сделал? Посмотри на меня, маленькая.

Девочка не ответила. Она начала медленно, монотонно покачиваться всем телом вперед и назад.

Тук.

Её спина несильно, но ощутимо ударилась о стену. Вперед. Назад. Тук.

— Варя, ну не молчи ты, за ради Бога! — Анна испуганно всплеснула руками, пытаясь поймать качающиеся плечи девочки. — Поплачь,

доченька, крикни! Я же видела из окна, как мать его полосовала... Он тронул тебя? Скажи бабе Ане, ну? Успел что сделать?!

Но Варя словно оглохла. Она мягко, но упрямо высвобождалась из рук соседки и продолжала свое страшное, ритмичное движение. Качалась, как маятник, и методично стучалась спиной о стену. Этот глухой, монотонный звук — тук, тук, тук — заполнял комнату.

В этот момент в комнату наконец вошла бледная Лида. Она тяжело прислонилась к косяку двери, глядя на эту картину. Шок сковал её тело. Всё её женское счастье, длившееся полгода, рассыпалось в прах.

— Лида! — Анна резко поднялась на ноги и подскочила к подруге, хватая её за локти. — Лида, очнись! Что произошло?! Я в окно гляжу — Колька твой на коленях в грязи воеет, ты его за грудки трясешь! А Варя вот... сидит, как неживая!

Что этот монстр натворил?!

— Он... он к ней подошел, Аня, — еле слышно, одними губами прошептала Лида, качая головой, будто пытаясь проснуться от кошмара. — Я вошла... Если бы я на минуту позже вошла, всё бы случилось. Понимаешь? На минуту позже...

— Ах ты господи, пресвятая богородица! — Анна в ужасе прижала ладонь к губам, переводя взгляд на качающуюся девочку. —

Ирод... Тварь какая! А ты что? В милицию звонила?! Сажать его надо, волка позорного!

— Нет... — Лида без сил опустилась на стул у стола, закрывая лицо руками. — Не смогла я. Он на коленях ползал. Сказал, срок пожизненным будет, он уже сидел... Пожалела я его, Аня. Сказала, чтоб убирался из города.

— Да как же пожалела?! — ахнула Анна, всплеснув руками. — Пошли. Пошли на

кухню, Лидочка, — не терпящим возражений тоном скомандовала Анна. — Ей сейчас прийти в себя надо, тишина нужна. А нам с тобой поговорить надо. Вразумить тебя хочу, пока ты дров не наломала. Лида, ты дура, что трубку бросила! Посмотри на неё! Какое «пожалела»?!

Лида послушно, словно в тумане, поднялась со стула. На кухне Анна зажгла конфорку газовой плиты, чиркнув спичкой, и с грохотом водрузила на огонь

пузатый алюминиевый чайник. Лида сидела у окна, обхватив плечи руками, и стеклянным взглядом смотрела на стекающие по стеклу капли осеннего дождя. На дворе стоял 1975 год, за окном шумела сырая осенняя Караганда, а в этой маленькой кухоньке только что заживо похоронили человеческое счастье.

— На, выпей, — Анна с размаху поставила перед ней граненый стакан, в котором мутно желтела

вода, резко пахнувшая валерьянкой. — Пей, говорю. На тебе лица нет, белая как стена.

Лида послушно сделала глоток. Горькая жидкость обожгла горло, но легче не стало. В груди всё горело от боли и непонимания.

— Аня... Ну как же так? — Лида подняла на соседку полные слез и отчаяния глаза. — Ты ведь видела его. Ты же сама говорила, какой Коля положительный. Полгода, Аня! Полгода он со мной, и ни единого грубого

слова. По дому помогал, Варе книжки покупал, пальто мне демисезонное достал... Я ведь думала — вот оно, женское счастье на старость лет. Мужчина непьющий, работающий, уважительный. Как он мог в одну секунду в такого монстра превратиться? В голове не укладывается! Мне выть хочется от этой боли! Ну как я могу пойти и своими руками человека в тюрьму упрятать? Да, он оступился, он совершил страшное... Но

ведь Коле еще и сорока нет! Тридцать семь лет всего, Аня! В тридцать семь лет жизнь только начинается, понимаешь? А если я этот шаг сделаю, его же посадят надолго, если не на всю жизнь. Он там сгниет, в этих лагерях, живым не выйдет!

— Эх, Лидка, Лидка... Жизнь у него начинается, значит? — Анна тяжело вздохнула, присаживаясь напротив и опираясь локтями на клеенчатый стол. Её взгляд стал суровым и ледяным. —

А у Варьки твоей в девять лет она, по-твоему, не заканчивается сейчас? О ком ты печешься, Лида? О эке недавнем? Тьфу! Волк он, понимаешь? Волк в овечьей шкуре. Они, ироды, всегда такие — в доверие втираются, шелковыми притворяются, пока мать на работе.

Послушай старую бабу: иди завтра же в милицию. Прямо с утра. Садись и пиши заявление. Пусть его, гада, закроют, чтоб земля под ним горела! Он твою дочь чуть не сгубил!

Дитя совсем! Если бы ты на минуту позже вошла, ты бы сейчас её кровью умывалась! Какая к черту жалость к эку?!

— Я не могу, Аня, у меня рука не поднимается, — Лида закрыла лицо ладонями, плечи её судорожно вздрагивали, сквозь пальцы хлынули горячие, горькие слезы. Внутри неё шла страшная, разрывающая душу борьба. — Я всё понимаю... Сажать таких надо. Дело ведь в дочке, в

её чести, в её жизни. Как я могу промолчать? А с другой стороны... Господи, мне его на минуточку так жалко стало. Этот его взгляд трусливый, побитый. Ведь я любила его, понимаешь? Любила! Квартира им пахнет, вещи его в шкафу висят...

— Да не Кольку ты любила, а выдумку свою! — Анна сокрушенно покачала головой, понимая, что подруга находится в глубоком замешательстве и колеблется. — Твоя жалость

тебе еще боком выйдет, Лидка. Запомни мои слова: таких прощать нельзя. Он сейчас отполз, как побитая собака, а потом оклемается и еще придет. Или другую девчонку найдет, чужую дочь погубит. Напиши заявление, не греши перед Богом и перед Варей.

— Я подумаю, Аня... Я не знаю. Мне нужно ночь пережить, — тихо, мертвым голосом ответила Лида. — На Варе лица нет, мне с ней надо быть. Голова

раскалывается.

Ближе к полуночи тетя Анна всё-таки ушла, напоследок еще раз строго приказав Лиде одуматься. В квартире воцарилась тяжелая, звенящая тишина.

Лида вытерла слезы, взяла себя в руки и заварила крепкий травяной чай с мятой и ромашкой. С горячей кружкой она тихо, на цыпочках вошла в большую комнату. Варя всё так же сидела в углу за сервантом, зажавшись и спрятав лицо в

колени, но качаться и биться спиной о стену наконец перестала — силы покинули ребенка.

— Варюша... Маленькая моя, — Лида опустилась на ковер рядом с дочерью. — На, выпей чайку. Травяной, теплый, с сахаром. Ну же, доченька, сделай хоть глоточек ради мамы. Всё хорошо, всё позади. Мама с тобой. Никто тебя больше не обидит, слышишь? Никогда.

Варя медленно подняла голову. Её взгляд был блуждающим,

затуманенным от страшного утомления. Словно деревянная кукла, она протянула тонкие дрожащие руки и взяла кружку. Зубы девочки громко застучали по краю фаянса, когда она делала первые глотки. Варя сделала еще несколько глотков, отставила кружку и обессиленно привалилась к маминому плечу. Лида подхватила её под мышки, помогла подняться и довела до дивана. Девочка даже не стала переодеваться — едва

её голова коснулась подушки, она мгновенно уснула тяжелым забытием, похожим на обморок. Лида заботливо укрыла её пуховым одеялом до самого подбородка, поцеловала в холодный лоб и села рядом на край дивана.

Всю оставшуюся ночь Лида не сомкнула глаз. Она сидела у постели дочери, кутаясь в накинутую на плечи шаль, прислушиваясь к прерывистому дыханию Вари, и смотрела, как первые бледные лучи

рассвета окрашивают комнату. Мысли её невольно возвращались к бывшему мужу, Михаилу. Обида, утихшая за эти годы, вспыхнула с новой, обжигающей силой. Они ведь жили в одном городе, ходили по одним улицам Караганды, но за четыре года он ни разу не поинтересовался дочерью.

«Справится она, — горько подумала Лида, вспоминая его прощальные слова. — Сильная она... Как же легко

ты, Миша, переложил на меня всю эту ношу».

Она закрыла глаза, и память услужливо перенесла её на четыре года назад. Тот день Лида помнила до мельчайших подробностей. Михаил стоял в прихожей, неловко переминаясь с ноги на ногу у чемодана. Его красивое лицо было серым от стыда и вины. О том, что у него появилась другая, легкомысленная женщина, Лида узнала последней. Но больше всего её тогда

добило то, с каким благородным лицом Михаил уходил.

— Ты должна понять меня, Лида, — тихо, но упрямо говорил он тогда, избегая её взгляда. — Она в положении. Как джентльмен, как честный советский человек, я не могу оставить женщину в таком состоянии. Это будет подло.

— А нас? Нас с пятилетней дочерью оставить — это не подло, Миша? — спросила тогда Лида. Голос её не дрожал, внутри всё просто

окаменело.

— Вам проще, — выдохнул Михаил, и в его голосе послышалось искреннее облегчение от придуманного оправдания. — Ты у меня сильная, серьёзная. Ты прекрасная мать, Лида. Я знаю, что ты вырастишь Варечку человеком, воспитаешь как надо. Ты одна со всем справишься, я в тебе уверен. А та... она пропадет одна. Ей без меня не выжить.

Ему действительно так было

проще. Навесить на обманутую жену ярлык «сильной женщины» и с чистой совестью уйти в новую жизнь, спасти ту, другую, которая так ловко затянула его в свои сети.

Варя, которой тогда было всего пять лет, стояла у косяка двери. Она испуганно смотрела на чемоданы. Девочка тогда не понимала всей взрослой сложности, но четко осознала: папа уходит навсегда. Она просто смотрела на Михаила своим глубоким детским взглядом.

От этого взгляда Михаилу стало не по себе, он судорожно поцеловал дочь в макушку и почти выбежал из квартиры.

И вот теперь, в 1975 году, Лида сидела в разгромленной семейной крепости и понимала, к чему привело это «джентльменство». Если бы Михаил тогда не ушел, если бы остался в Караганде со своей родной дочерью, этого страшного вечера с Николаем просто никогда бы

не случилось. Варя была бы защищена отцовским крылом.

Лида перевела взгляд на спящую дочь. Ей до безумия захотелось найти Михаила, который теперь жил на другом конце города, в новых шахтерских высотках. Позвонить ему, закричать, сорвать с него эту маску благородства и заставить посмотреть, какую цену заплатила их дочь за его легкий уход.

Глава 3 Чужая крепость

Слова Михаила ударили Лиду в грудь с такой силой, что у неё на мгновение потемнело в глазах. Воздух в гастронOME показался невыносимо горячим, удушливым. Она смотрела на его благородное, чисто выбритое лицо и не верила собственным ушам. Четыре года назад этот человек бросил её с пятилетним ребенком на руках, ушел к другой женщине, прикрываясь высокими

словами о джентльменстве. А теперь, когда в их дом пришла страшная беда, он обвинял её в том, что она не уберегла дочь, и заявлял права на Варю.

— Ты... ты с ума сошел, Миша? — зашептала Лида, каменея губами. Она сделала шаг вперед, её пальцы судорожно впились в каракулевый воротник его дорогого пальто. — Ты что говоришь? Заберешь? Куда ты её заберешь?! В чужую семью? К женщине, которая

тебя у нас украла?

— Перестань, Лида, на нас люди смотрят, — Михаил поморщился и осторожно, но настойчиво убрал её руки от своего воротника. Он испуганно оглянулся на очередь у кассы, боясь, что этот разговор привлечет внимание советских граждан. — Давай рассуждать здраво. Без твоих вечных истерик. Ты привела в дом человека с сомнительным прошлым. Подставила под удар мою дочь. О каком нормальном

воспитании здесь может идти речь? У меня кооперативная квартира, достаток. Моя жена — женщина чуткая, она найдет к девочке подход. Мы покажем Варю лучшим профессорам. А у тебя что? Две смены в ателье и вечное одиночество? Ты не справляешься, Лида. Признай это хотя бы раз в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.